

РЯБИНОВАЯ ГОРЕЧЬ

Татьяна Шендерова

Татьяна Шендерова

Рябиновая горечь

<https://litres.ru/73954183>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как судьба сводит вместе двух молодых людей из разных миров — городскую девушку и простого, искреннего парня из Сибирской деревни. Случайный конфликт перерастает в испытание, которое определит их будущее.

Спустя годы судьба даёт героине шанс искупить вину, но цена оказывается слишком высока.

Это психологический триллер души, где за милосердие приходится платить рассудком, где грань между спасительной правдой и убийственной ложью стирается в порошок, а запах черемухи навсегда смешивается с запахом тления.

Какую цену заплатит городская девушка за право стать последним и самым прекрасным обманом в жизни того, кто научил её чувствовать?

В этой книге отсутствует художественный вымысел, здесь описаны реальные судьбы людей, ставшие основой сюжета произведения.

Автор предупреждает, имена могут быть изменены, но боль, запах черемухи и горечь рябины — подлинны.

Тридцать лет тишины. Исповедь, которую нельзя забыть.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. ТЕПЛО РОДНОГО КРАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Татьяна Шендерова

Рябиновая горечь

ПРОЛОГ

Сибирская рябина в августе — это обман, упакованный в глянец. Её гроздья наливаются таким агрессивным багрянцем, что, кажется, будто они светятся в сумерках увядающего лета. Но за этой яркостью — вкус, от которого сводит челюсти. Это вкус моей тринадцатилетней гордости: сухой, вяжущий, как пыль на просёлочной дороге, по которой я бежала в модных туфельках. Ветер развевал волосы, а я чувствовала свободу и предвкушение новых открытий.

В то лето я была точь-в-точь как эта ягода: вызывающе заметная на фоне деревенской обыденности, но бесконечно горькая внутри. Моя душа в те годы была окутана плотной бронёй эгоцентризма. Я смотрела на мир через призму городского превосходства, и всё вокруг казалось мне несовершенным. Я считала, что искренность — это признак слабости, а доброта — удел недалёких людей.

Моя «городская корона» сидела на голове крепко, сдавливая виски и не давая увидеть, как медленно поворачивается колесо судьбы, подминая под себя наши хрупкие летние иллюзии.

Я помню, как тётя Валя, вытирая натруженные руки о засаленный передник, смотрела на меня, застывшую под тяжёлыми ветвями старого дерева у калитки.

– Не ешь её сейчас, Таня, – негромко сказала она, и в её голосе слышалась усталая мудрость человека, видевшего слишком много зим. – Только нутро себе обожжёшь этой кислятиной. Подожди до холодов. Рябина, она ведь как душа человеческая: пока мороз её до костей не проберет, сладости в ней не дождёшься. Нужно, чтобы сердце заледенело, тогда и горечь уйдёт, останется только истинный сок.

– Глупости всё это, – огрызнулась я тогда, демонстративно срывая самую крупную гроздь. – Если ягода красивая, она должна быть вкусной сразу. Зачем ждать какой-то мороз, если жизнь происходит сейчас?

Тётя Валя лишь вздохнула и ушла в дом, оставив меня наедине с моей спесью и ядовито-красными плодами.

Я не предвидела тогда, что впереди – не просто осень и смена сезонов, а великое оледенение чувств, которое вымоет из меня всё наносное, оставив лишь голую суть раскаяния. Это было не просто время года, это была трансформация, жестокая, но необходимая

Ягоды рябины, рассыпанные под моими ногами, уже давно прошли через тысячи морозов, и каждый из них сделал их только крепче и слаще. Рябина не стремится быть ярче всех, она просто существует, напоминая о лете в холодное время года. Её сила — в пережитой стуже, в испытаниях,

которые её закалили. Она — живое воплощение стойкости, символ природы, умеющей сохранять свою сущность вопреки всему.

Так и я, повзрослевшая и наконец-то понявшая цену каждого слова, несущая в себе вкус того самого декабря, когда я научилась быть человеком. Суровые испытания, как удары судьбы, научили меня видеть то, что скрыто за маской повседневности. Они открыли во мне ту глубину сострадания, о которой я прежде и не подозревала.

Теперь, когда я стою на этом кладбище, окружённая покоем и тишиной, я понимаю, что пережитый опыт оставил неизгладимый след в моей душе. Тот декабрь, когда всё началось, выжег во мне лишнее, оставив лишь голую суть. И спустя десятилетия я знаю точно: та моя ложь была самым честным, самым отчаянным поступком, на который я была способна. Это была не просто ложь — это было милосердие, оплаченное моей собственной душой.

– Ты была права, тётя Валя, – прошептала я в пустоту у могилы любимой тёти, сжимая в руке раздавленную ягоду. – Мороз всё исправил. Горечь ушла, остался только истинный сок.

Ветер донес аромат полыни и сырой земли, напоминая о круговороте жизни. В этом запахе чувствовалось что-то вечное и неумолимое, как сама судьба.

И гордость, и боль, и даже самая красивая ложь — всё имеет свой срок. Они, как листья на дереве, меняют цвет и

оппадают.

Мы все идём своим путём, от горечи к сладости. И у каждого из нас есть своя рябина, которая ждёт первого спасительного мороза, чтобы обрести неповторимый вкус.

Глава 1. ТЕПЛО РОДНОГО КРАЯ

Часть 1. Запах креозота и мяты.

Июнь 1993 год. Поезд натужно лязгнул сцепками и замер на крошечной станции, затерянной среди бескрайних сибирских полей. Раннее утро едва пробивалось сквозь туман, окрашивая его в нежно-розовый цвет.

Таня, спрыгнув на щербатый бетон перрона, поморщилась от резкого запаха креозота и влажной земли. Здесь не было привычного вокзального шума — только сонный крик птицы в перелеске подчёркивал оглушительную тишину, такую непохожую на гул военного городка. На платформе почти никого не было. Здесь не перед кем было держать спину ровно, и от этой пустоты становилось не по себе.

— Мам, а где Мишка? Нас никто не встретил? — Таня демонстративно поправила выбившуюся прядь, стараясь не смотреть на свои туфли, уже покрывшиеся слоем серой пыли. — Мишка ведь обещал, что приедет на мотоцикле за нами.

— Спит еще, — мать подхватила тяжёлые сумки, — или мотоцикл не заводится. Пойдём сами.

Тропинка ныряла в густую, пахучую траву. Роса мгновенно пропитала модные лосины, оставив на них тёмные влаж-

ные пятна, к которым тут же прилипли мелкие семена. Таня шла, сердито отпихивая сумкой наглые стебли полыни, но постепенно ритм шагов и хмельной, густой аромат клевера начали брать своё. Школьные обиды, интриги и строгие учителя — всё это вдруг начало тускнеть под этим бездонным небом. Каждый вдох обжигал горло колодезной свежестью, заставляя сердце биться спокойнее. Это не было возвращением к корням; скорее, животное чувство, что здесь, среди этого равнодушного величия природы, её никто не сможет достать.

Они шли к дому тёти Вали — старшей сестры матери. Для Тани тётушка всегда была островком тепла. Она была невысокой женщиной с русыми волосами, которые собирала в аккуратный пучок на затылке. Голову покрывала светлым платком с цветочным узором, который придавал ей особый шарм. На её лице всегда играла приветливая улыбка, которая делала её глаза ещё более добрыми и лучистыми. Движения были плавными и неторопливыми, что создавало ощущение умиротворения и спокойствия. Даже воздух в её присутствии казался наполненным уютом и теплом. Тётя Валя обладала спокойным и открытым характером. Её громкий, искренний смех напоминал Тане переливы колокольчика, способный разогнать любую хандру. В деревне её любили за простоту и особую заботу, которая чувствовалась в каждом слове.

Неожиданно тишину разрезал нарастающий рокот, и из-

за густого перелеска вынырнул старый трактор — рычащий железный монстр, ровесник самой тайги. Ржавый корпус, испещрённый глубокими царапинами, казался бронёй, пережившей не один десяток посевных битв. Из-под капота вырывались сизые клубы дыма, густо замешенные на дорожной пыли. Трактор дребезжал, захлёбывался и скрипел каждой деталью, но упрямо пёр вперёд, подминая под себя глубокие колеи.

— Подбросить, городские? — прокричал тракторист, обнажая щербину между зубами. — До деревни ещё топать и топать!

Он окинул взглядом пассажиров, будто проверяя, не испугались ли они. Галя, мама Тани, не раздумывая, одобрительно кивнула, и они с дочерью, переглянувшись, с трудом вскарабкались на трясущуюся металлическую махину. Трактор, словно живое существо, рычал и фыркал, источая запах солярки и горячего металла.

Они тронулись с места, и мимо начали проноситься берёзовые колки, стройные и ровные, как солдаты на параде. За ними простирались бескрайние просторы полей, где волны пшеницы и ржи сливались с горизонтом. Над всем этим величественным пейзажем кружили ястребы, их крылья плавно разрезали воздух, словно рисуя невидимые узоры.

— К кому нагрязнули, городские? — любопытствовал тракторист, вытирая замазученные руки о засаленный полотенец.

— К родственникам, — улыбнувшись ответила Галина.

— А-а, понятно, — протянул тракторист. — На лето? Отдыхать или работать будете? — пошутил он, хитро взглянув на женщину.

— Одно другому не мешает. Помощь по хозяйству в деревне всегда нужна, — ответила попутчица. — У родни дел невпроворот.

— Ну, да и то верно, дело хорошее, — кивнул он. — Помощь в деревне всегда пригодится. А вы надолго к нам?

— До конца лета, — сурово ответила Таня.

— О-о, — улыбнулся тракторист.

Вибрация трактора колотила по зубам, вытряхивая остатки городского лоска. Таня вцепилась в ржавый борт, стараясь не испачкать светлую кофточку о масляные пятна. Мама весело перекрикивалась с трактористом, но Таня лишь плотнее сжимала губы. Ей казалось диким, что можно искренне радоваться поездке на этой гроыхающей гряде металлолома, а однообразные поля и бесконечные берёзы раздражали своей простотой по сравнению с чёткими линиями гарнизонных плацев, к которым она привыкла.

Таня смотрела вдаль, где виднелись избы, утопающие в густой зелени садов. Казалось, что дома сливаются с природой, становясь её неотъемлемой частью.

В начале деревни располагалась старая ферма. Её окружало облако сладковатого, едкого запаха навоза. Таня поморщила нос, но этот запах не раздражал её, а наоборот, напоми-

нал о доме. Он был частью деревенского мира, где всё подчинялось простым, но неумолимым законам природы.

Трактор остановился на повороте, ведущем к ферме.

— Прибыли, городские, добро пожаловать! — прохрипел тракторист, заглушая мотор. — Здесь вас высажу, дальше сами, — добавил он. Галина улыбнулась, и в этой улыбке была благодарность и лёгкое волнение.

Таня спрыгнула в пыль, едва не подвернув ногу. Она неохотно протянула руку маме, помогая той с тяжёлыми сумками.

Таня с мамой медленно шагали по улице, утопающей в шелесте тополей. Деревня словно застыла в тишине, позволяя ощутить всю глубину момента. Дома здесь были живыми свидетелями событий, полными жизни и истории. Каждый уголок, каждое дерево хранили воспоминания.

Сердце Тани невольно билось быстрее, хотя она и старалась сохранять холодное выражение лица. Она глубоко вдохнула свежий деревенский воздух, наслаждаясь каждым мгновением. Этот приятный аромат, такой родной и знакомый, казался особенно сладким после длительного отсутствия.

В конце улицы виднелся родной дом тётки.

Для Тани этот дом был единственным прибежищем, где можно было, наконец снять «корону» и просто дышать. В комнатах всегда пахло сушёным укропом и старой бумагой; здесь время не бежало, а густело, как парное молоко в крын-

ке. Среди скромного деревенского быта и скрипучих половиц Тане разрешалось быть любой — слабой, капризной или просто молчаливой. Здесь не требовали пятёрок или безупречной выправки. В доме тёти Вали Таня обретала тот уют, которого была лишена в казённых стенах офицерской общаги. Любовь тёти Вали была тихой и безусловной, как само дыхание её дома.

Часть 2. Ваниль в темноте.

Тётя Валя и Мишка уже ждали их у калитки. Таня, с радостью на лице, бросилась к тётке, раскрывая объятия. Казалось, она хотела обнять весь мир.

— Ну, как же ты выросла, Танюша! — тихо сказала тётя, отстраняясь, чтобы заглянуть племяннице в глаза. Тётя Валя обняла девочку так крепко, что у Тани на мгновение перехватило дыхание, а к горлу подкатил горячий ком.

Около палисадника, прислонившись к ветхому забору, стоял Мишка, двоюродный брат Тани. Он улыбался лукаво, как будто уже знал множество историй, которые им предстояло услышать.

Мишка был на год старше сестры — невысокий, плотный и загорелый до того глубокого кирпичного цвета, который бывает у деревенских парней, проводящих всё лето на реке и в поле. Он смотрел на Таню не с тем восхищением, к которому она привыкла в школе, а с какой-то ленивой, снисходительной иронией. В его мире не имели значения её импортные заколки или статус «городской» — здесь ценилось со-

всем другое, и Таня инстинктивно чувствовала это, что бесило её ещё сильнее.

В деревне его авторитет был непоколебим. Таня здесь не была просто девочкой из гарнизона — она была сестрой самого Мишки. Все знали, что за ней стоит могучий брат, готовый защитить её от любой беды. Поэтому ни один сверстник не смел обидеть её ни словом, ни взглядом. Таня чувствовала себя в безопасности, зная, что её брат всегда рядом.

— Привет, Нюша! — Мишка подошёл к Галине, забирая у неё сумки. Его голос был обманчиво мягким. Таня мгновенно ошетибилась, услышав ненавистное прозвище.

— Мишка, не называй меня так! — раздражённо выпалила она. — Я Таня! Понятно тебе?

Девочка глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Тётя, заметив состояние племянницы, мягко коснулась её плеча.

— Сходи, Таня, в огород, там клубничка выросла, крупная, ароматная. Покушай ягодку, она тебя порадует!

Таня, не раздумывая, бросилась в огород. Воздух был тяжёлым и густым от жары. Высокие стебли растений, казалось, тянулись к небу, словно пытаясь укрыться от палящего солнца.

Огород дышал зноем, и этот запах был настолько насыщенным, что казалось, он проникает в каждую клеточку тела. Среди пышной, пахучей ботвы, прятались тяжёлые, налитые соком ягоды. Они блестели, как маленькие сокровища, и Таня, не раздумывая, сорвала одну из них. Ягода бы-

ла тугой и упругой, облепленной сухой землёй. Девочка аккуратно отряхнула ягодку и поднесла к губам. Сладкий сок брызнул на язык, и она почувствовала, как он наполняет тело изнутри. Это была настоящая сладость, почти вызывающая, как будто сама земля поделилась своей энергией.

Солнце припекало затылок, и весь мир вокруг казался застывшим. Листья на деревьях не шевелились, птицы замолкли, и даже ветер, казалось, затаил дыхание. В этом замершем мире растений Таня вдруг почувствовала себя не городской гостьей, которая случайно оказалась в этом месте, а частью этого медленного, земного ритма. Она ощущала, как сердце бьётся в такт с пульсацией жизни вокруг неё. Это был момент, когда всё остальное исчезло, и осталась только она, огород и его бесконечная, таинственная красота.

Закончив трапезу, она направилась к бочке с водой, стоявшей вдоль забора в огороде. Вода была прохладной и освежающей, и Таня, зачерпнув её ладонью, умылась, смывая остатки земляничного сока.

Оставив бочку, она медленно направилась к старым качелям у соседнего дома.

Качели стояли под двумя огромными тополями, которые, казалось, росли здесь целую вечность. Их мощные стволы выглядели так, будто удерживали не только небо, но и всю вселенную. Толстый канат между ними был старым, но всё ещё крепким и надёжным.

Таня забралась на качели и, оттолкнувшись от земли, мед-

ленно начала раскачиваться. Каждый раз, когда она взлетала вверх, ветер усиливался, безжалостно трепля её волосы. Они разлетались в разные стороны, выбиваясь из причёски и щекоча лицо. Ветер приносил с собой запахи свежескошенной травы, цветов и далёкого леса. Он выметал из головы все мысли о гарнизонных правилах, о повседневных обязанностях и даже о времени.

Когда качели достигали верхней точки, Таня замирала, словно останавливая мир вокруг себя. В это мгновение ей казалось, что она парит над всем миром, что она недостижима и свободна. Зелёные кроны тополей, раскинувшиеся над ней, были так близко, что она могла бы дотянуться до них рукой. Она чувствовала, как внутри неё разливается чувство абсолютной власти над пространством и временем.

Тишину нарушал лишь шелест листьев. Тополя, казалось, разговаривали между собой, передавая друг другу свои тайны и секреты. Она наслаждалась моментом, чувствуя себя частью этого волшебного мира, который был её личным пространством, её местом силы.

Тишину внезапно пронзил знакомый голос, словно луч солнца, прорвавшийся сквозь тучи.

— Таня, ты куда пропала? — доносилось из двора.

Таня, поглощённая своими мыслями, вздрогнула от неожиданности. Девочка нехотя спрыгнула с качелей и побрела к дому. Навстречу ей вышла тётя Валя, её лицо выражало беспокойство.

— Ты на качели была? — спросила тётя, заглядывая в глаза племяннице. — Мы потеряли тебя.

— Да, тётя Валя, — ответила Таня, стараясь придать своему голосу беззаботность. — Просто я замечталась.

— Идём в дом, — предложила тётя. — Жарко, покушаешь с дороги. Мишка наш, что удумал! Вафли печь затеял.

Войдя в сени, Таня удивилась. Там стоял непривычный запах свежего теста.

Мишка стоял у старого деревянного стола, склонив голову, словно творил заклинание над кулинарным творчеством. Его руки, словно подчиняясь невидимой мелодии, превращали обычную смесь муки и яиц в нечто особенное. Каждое его движение было плавным и уверенным, как у профессионала. Это так не было похоже на брата, что Таня не могла оторвать от него взгляд.

Старая газовая плита, словно ветеран, хранила секреты многих поколений. Она тихо гудела, разогревая вафельницу. Мишка ловко пёк и крутил вафли. Они, словно балерины, вытанцовывали на горячем листе, а затем аккуратно складывались на тарелку, образуя башенку. Дом наполнялся ароматным запахом ванили, который кружил голову и наполнял сердце теплом.

— Вафли, вафли, вафли! — приговаривал брат, переворачивая золотистые круги на сковороде.

— Мишка, ты как гегемон какой-то, паришь над этой стряпнёй! — язвительно бросила сестра, надеясь уколоть его

непонятным словом.

Мишка отвлёкся от плиты и ответил:

— Тань, уйди, не мешай мне печь.

Но Таня не унималась. Она ходила взад-вперёд и подшучивала над братом, который увлечённо занимался приготовлением вафель.

— Дай вафельную! — попросила она.

— Испеку, потом чай будем пить, — ответил брат, не отвлекаясь от процесса.

— Я сейчас хочу! — настаивала она.

Когда брат отворачивался от стола, чтобы перевернуть вафельницу на газовой плите, в душе у Тани рождалось озорное чувство. Она украдкой хватала горячие вафельные трубочки, словно тайные сокровища, и выходила на улицу, где её ждали благодарные пушистые создания. Кошки и собака с нетерпением тянулись к лакомству, и Таня с улыбкой раздавала им лакомство.

Но в этот раз, когда она вернулась за очередной порцией, всё пошло не по плану. Мишка среагировал мгновенно, как опытный воин. Без лишних слов он перехватил её за плечи и, развернув, вытолкнул в тёмный зев чулана.

Дверь захлопнулась. Щеколда снаружи лязгнула, отсекая Тане путь обратно.

— Эй, ты чё делаешь?! — возмутилась сестра, колотя кулаком по деревянной двери. — Открой сейчас же!

Брат стоял у плиты, на его лице играла улыбка.

— Спокойствие, только спокойствие, — произнёс он, не отвлекаясь от выпечки.

— Офигел? — голос Тани дрожал от негодования. — Немедленно выпусти меня отсюда!

Брат продолжал улыбаться, его спокойствие было непоколебимо.

— Посиди немного, подумай о своём поведении, — сказал он.

— Я не буду думать ни о чём таком! — крикнула Таня. — Ты не имеешь права меня запирать!

Брат пожал плечами, словно говоря: «Посмотрим».

Он продолжал печь вафли, а Таня всё ещё пыталась достучаться до взрослых. Но они, как обычно, не спешили на помощь — знали, что стычки между братом и сестрой — это обычное дело.

Из чулана всё ещё доносились возмущённые крики Тани, а брат продолжал готовить, словно ничего не происходило.

Чулан был узким и пыльным. Сквозь крошечное окошко под потолком пробивался слабый луч, высвечивая паутину. На полках громоздились тени: старое веретено, надтреснутая посуда, плетёные корзины. Вдоль стены висела сушёная рыба, распространяя тяжёлый, костистый запах. В углу массивным зверем затаился сундук с мукой, о котором в доме ходили дурные легенды.

Таня колотила в дверь, пока не заныли кулаки, но Мишка лишь прибавил громкость радио в сенях. Постепенно ярость

сменилась липким, неудобным холодком. Тишина чулана не была пустой — она была населена звуками старого дома: шорохом мышей, скрипом перекрытий и тяжёлым духом залежалой муки. Таня прижалась к двери, глядя на огромный сундук. В полумраке он казался живым существом, затаившим дыхание. Её «корона» начала сползать, оставив её один на один с детским страхом темноты и осознанием того, что здесь её капризы больше не имеют никакой власти.

Когда щеколда, наконец звякнула и дверь распахнулась, яркий свет из сеней ударил по глазам. Мишка стоял на пороге, прислонившись к косяку. Он выглядел совершенно спокойным, лишь на щеке виднелось пятно от муки.

— Вафли остывают, Нюша, — негромко сказал он, и в его голосе не было издёвки, только странная, непривычная серьёзность. — Выходи. Чай уже на столе.

Таня вышла, щурясь и лихорадочно отряхивая пыль с некогда безупречной светлой кофточки. Ей хотелось разрыдаться от обиды, выплеснуть на брата всё своё негодование, но слова застряли в горле.

В сенях пахло ванилью и домом, и этот запах сейчас был сильнее её уязвлённой гордости. Она молча прошла мимо брата, задев его плечом, и села к столу. Внутри всё ещё дрожала мелкая, позорная ниточка страха. Это не была победа Мишки, но это стало началом её долгого, мучительного спуска с пьедестала к самой себе.

Часть 3. Шепот в сумерках хлева.

Вечер окутывал деревню густыми синими тенями. В хлеву было душно и надежно; пахло парным молоком, горькой полынью и разогретой коровьей шкурой. Тусклая лампочка у входа едва теплилась, выхватывая из полумрака лишь сильные, ритмично работающие руки тёти Вали. Таня устроилась на охапке соломы. Первые тугие струи ударили о дно пустого ведра с резким, «пушечным» звоном, который постепенно сменился глухим, мягким шипением.

— Тетя Валя, — негромко позвала Таня, нервно теребя пуговицу кофты. — Мама опять злится. Говорит, что я слишком болтливая, что позорю её... Почему она всегда такая колючая?

Валя не прерывала работы. Она знала крутой нрав своей сестры Галины и понимала, как тяжело Тане под гнетом вечных запретов, но продолжала мерно сжимать соски, не сбиваясь с привычного ритма.

— Ты не болтливая, Танечка, ты просто живая, — произнесла она мягко. — Галя просто забыть хочет, как сама в этих галошах по навозу бегала. Она как в город уехала, так и возвела вокруг себя крепость из этих правил. Ей кажется: если будет самой правильной, то никто не вспомнит, что она из простой хаты. Она тебя муштрует не со зла — она просто боится, что ты слабинку дашь, и жизнь тебя, как её когда-то, по голове не погладит. Она спасает тебя.

Таня подняла голову и посмотрела на тётю. Ее глаза блестели от слез, но в них было и что-то решительное.

— Но мне не нужно спасение! — воскликнула она, и голос дрогнул. — Мне нужно, чтобы мама увидела меня настоящей. Здесь, с вами, мне не приходится притворяться. Я хочу, чтобы она понимала: я не маленькая девочка, я уже взрослая и могу сама решать, как мне жить.

— Я понимаю тебя, Танюша, — ответила тётя. — Но иногда взрослые люди ведут себя как дети. Они боятся перемен и не хотят отпускать прошлое. Твоя мама просто не знает, как выразить свою любовь и заботу по-другому. Она думает, что правила и запреты помогут тебе избежать ошибок.

Звон о металл затих — ведро наполнилось, и молоко утонуло в шапке белой пены. Густой аромат сливок стал почти осязаемым.

Валя вздохнула, и этот звук слился с протяжным, влажным выдохом коровы, которая на мгновение перестала жевать жвачку. Тётя отставила полное ведро, над которым поднимался едва заметный парок, и подошла к племяннице. Она села рядом, прижав голову Тани к своему плечу. От её старой кофты пахло домом, дымом печи и чем-то бесконечно надежным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.